

С трудом дождавшись каникул, они несколько дней подряд предавались беззаботному отдыху.

Однажды утром Пэй Юй, поддерживая ноющую поясницу, прикусил руку Цинь Шэня.

Он негодуяюще произнес:

— Это мои... зимние каникулы!

Разомкнув губы, он оставил на руке мужчины аккуратный след от зубов.

Пэй Юй уставился на него своими влажными и чистыми глазами:

— Зимние каникулы — это время отдыха для учеников.

Хотя старшеклассников обычно исключали из этого понятия, оставляя им лишь горы домашних заданий и пробных тестов, возможность временно вырваться из бешеного ритма школьной жизни делала зимние каникулы бесценными.

— Всё верно, это зимние каникулы.

Цинь Шэнь беспечно усмехнулся и взъерошил пушистые волосы Пэй Юя:

— Разве малыш... не валяется каждый день в постели до полудня?

Пэй Юй пнул притворяющегося дурачком Цинь Шэня:

— Да потому что ты во всем виноват!

— Мм, я знаю, что малыш каждое утро никак не хочет меня отпускать.

Цинь Шэнь улыбнулся и прижал Пэй Юя к груди, заключая в объятия.

Ему очень нравилось ощущение, когда его крепкие руки обвивают юношу — в объятиях было столько мягкости, к которой примешивался легкий аромат роз.

Если бы только было можно, Цинь Шэнь вообще не выпускал бы его из рук, а превратил бы Пэй Юя в крошечного человечка и носил с собой в кармане на работу.

— ...

Кто тут не хочет отпускать? Он просто смертельно уставал и мог восстанавливать силы только во сне.

Этот мужчина становился все более навязчивым.

Стоило начаться долгожданным каникулам, как он принялся издеваться над ним изо всех сил. Какой бы стойкий омега ни выдержал подобных терзаний со стороны альфы?

Мало того, хотя период течки вовсе не наступил, Цинь Шэнь все равно то и дело пускал в ход свои острые зубы для временной метки, так что от него самого теперь за версту разило чужим запахом — собственнические инстинкты и жажда контроля просто зашкаливали.

— До чего же у тебя толстая кожа.

Иногда Пэй Юй даже сомневался, не страдает ли Цинь Шэнь каким-нибудь болезненным приступом одержимости. Впрочем, во всем остальном Цинь Шэнь неизменно уважал его мнение — за исключением вопросов, касавшихся постели. Стоило вспомнить, как они миловались все эти дни, как щеки Пэй Юя снова вспыхнули алым. Он растирал ноющую ногу и одновременно отталкивал его руку, указывая на следы от поцелуев у себя на шее, и с упреком произнес:

— Мои зимние каникулы — это тебе не дни вседозволенности.

Вспомнив, что у него накопилось немало домашних заданий на каникулы, Пэй Юй в сердцах несколько раз отлупил Цинь Шэня.

Невзначай узнав, что сам Цинь Иян продвигается в учебе куда быстрее него, Пэй Юй вновь объявил Цинь Шэню крайне суровое условие.

А именно: в ближайшие дни тот ни в коем случае не должен мешать ему расправляться с уроками.

Цинь Шэнь временно дал устное согласие и пообещал, что днем в кабинете ни за что не станет отвлекать его от учебы.

Но стоило наступить вечеру, как он пользовался мягкосердечностью Пэй Юя, липнуще обнимал его, сковывал по талии и целовал, и в тумане помрачневшего сознания Пэй Юй вновь попадался в ловушку Цинь Шэня.

За окном кружил снег, а в наполненной теплом комнате стояла весенняя погода.

Две коробки прямоугольных презервативов, купленные совсем недавно, подошли к концу.

— Они закончились.

Уголки губ Цинь Шэня слегка опустились, а в темных глазах отчетливо читалось явное недовольство.

— Что закончилось?

Пэй Юй весь был в поту, с трудом приподнял голову, заглядывая в выдвижной ящик, и, глядя на пустую картонную коробку большого размера, без капли сочувствия рассмеялся.

Тут же его поясницу сильно помассировали, и Цинь Шэнь искривил губы в полуулыбке, пристально глядя на него.

— Все еще смеешься? Тебе нравится видеть, как мне тяжело?

Уловив опасный сигнал, Пэй Юй с трудом сдерживал смех, обнял Цинь Шэня за шею и поцеловал мужчину в кадык.

Мягко утешая его:

— Ни капельки не нравится. Мне кажется, в таких делах всегда нужно знать меру, за первым разом идет второй.

Он продолжал уговоры:

— Подумай сам, ты ведь на несколько лет старше меня. Если не будешь сдерживаться сейчас, то в будущем...

Расплатой за оговорку стал еще один шлепок по заду, и лицо Пэй Юй мгновенно покраснело.

Спустя долгое время он выдавил из себя:

— Хватит меня вечно шлепать, я тебе не ребенок.

Они оба уже взрослые люди, и даже если он заслужил наказание, не шлепать же его по заду каждый день. Цинь Шэнь обнял его, прижав Пэй Юя к постели, и пристально всмотрелся в покрасневшее лицо юноши, чувствуя, как сердце смягчается от нежности.

— Именно потому, что я не считаю тебя ребенком.

Протянув слова, низким и чувственным голосом, способным вскружить голову, Цинь Шэнь прижался к самому уху Пэй Юя и произнес:

— Ведь малыш такой мягкий.

Стоило ему умолкнуть, как сердце Пэй Юя едва не выпрыгнуло из груди.

Он запрокинул голову и посмотрел на Цинь Шэня, в его иссиня-черных глазах пылало жаркое чувство — истинный жар альфы по отношению к омеге.

В памяти невольно всплыла недавняя двусмысленная сцена, где Цинь Шэнь хрипло дышал.

Сердце колотилось как безумное.

Пэй Юй слегка отвернулся, избегая его взгляда, и медленно пробормотал:

— Я понял...

Оказывается, он вовсе не считал его ребенком, когда вечно поддразнивал.

— Но раз уж все равно ничего нет, давай просто отдохнем и ляжем спать, — моргая, искренне предложил Пэй Юй.

Однако Цинь Шэнь не собирался отступать. Он с таким трудом дождался зимних каникул, и его уже бросало в дрожь при мысли о воздержании во втором полугодии.

Он чуть изогнул губы в легкой улыбке и провел грубоватым кончиком пальца по влажным губам Пэй Юя.

Каждое произнесенное им слово заставляло сердце Пэй Юя сбиваться с ритма.

— Малыш ведь знает, что есть и... другие способы? — улыбнулся Цинь Шэнь.

Смертельно! Опасно!

Пэй Юй перевернулся, намереваясь сбежать, но стоило ему отползти совсем чуть-чуть, как Цинь Шэнь перехватил его за щиколотку и притянул обратно.

Конец, Пэй Юй инстинктивно затаил дыхание. И так уже несколько дней подряд, кто же такое выдержит?

Он крепко зажмурил глаза, его длинные темные ресницы едва заметно дрожали.

Крепкий, но нежный поцелуй коснулся его межбровья.

— Шучу я, напугал тебя до смерти.

Цинь Шэнь ущипнул Пэй Юя за щеку и слегка ее покрутил:

— Неужели ты меня так боишься? И сбежал быстрее некуда, даже поиздеваться над тобой другим способом не даешь.

Услышав это, Пэй Юй сначала приоткрыл один глаз, затем второй и тихонько проговорил:

— Я тебя не боюсь.

Он покачал головой, опасаясь, что Цинь Шэнь истолкует все неверно и подумает, будто он категорически против подобных вещей.

Поэтому Пэй Юй медленно пояснил:

— Будет очень неприятно, ни туда ни сюда... Вот если бы твоё было таким же, как моё, было бы здорово.

Цинь Шэнь криво усмехнулся:

— Малыш, ты должен понимать, что я никак не могу это контролировать.

Пэй Юй покраснел, приподнялся, обнял Цинь Шэня за талию, потерся о него щекой и, глядя снизу вверх, спросил:

— Неужели это и правда так мучительно?

Видя, сколь серьезно тот подошел к вопросу, Цинь Шэнь немного подумал и хрипло ответил:

— На самом деле... не так уж и сильно?

Цинь Шэнь протянул руку и выключил прикроватную лампу, погружая тусклую спальню во тьму.

Он откинул одеяло и привычно прижал Пэй Юя к себе, но Пэй Юй выскользнул из его объятий, заворочался и... нырнул под одеяло.

Цинь Шэнь взмахнул рукой, и его пальцы запутались в пушистых мягких волосах юноши.

Он уже собирался спросить, что это тот удумал.

Как вдруг теплый и влажный рот лишил его всякой возможности говорить.

Дыхание сбилось вмиг.

За несколько дней до Нового года Пэй Юй и Цинь Иян были поглощены выполнением домашних заданий.

Они вовсе не хотели возиться с кипами тестов после наступления праздников.

В Цзянчэне ветви деревьев на улицах и переулках украсили красными фонарями, яркий алый цвет которых создавал праздничную атмосферу.

Цинь Шэнь велел домашним украсить старинную усадьбу так, чтобы сильнее ощущался дух Нового года.

Не было праздника лучше для демонстрации каллиграфического мастерства. Комнат в доме хватало, и у Цинь Шэня чесались руки — он на одном дыхании вывел больше десятка парных надписей для дверей.

Новые новогодние свитки сохли на столах и на полу, их изящный почерк напоминал взлетающих лебедей и мчащихся драконов. Цинь Иян цокнул языком:

— Дедушка, с твоим умением можно смело идти на рынок торговать своими работами.

Цинь Шэнь выдавил из себя подобие улыбки:

— Сопляк, раз не умеешь говорить, лучше прикрой рот. В вопросах каллиграфии он был настоящим профессионалом. Пусть не баснословно дорогим мастером, но за пару простеньких иероглифов он запросто мог выручить целую тысячу юаней.

- Как красиво написано, - Пэй Юй поднял парные новогодние поздравления и, следуя указаниям Цинь Шо, принялся аккуратно наклеивать их на дверные косяки.

Забравшись на высокий стул, он вытянул руки вверх. Цинь Шэнь, боясь, что парень оступится,

встал позади и подстраховывал его, раскинув руки в стороны.

– Ровно? – Пэй Юй повернулся к Цинь Шэню. В доме было тепло, и юноша был одет в свитер с высоким горлом, который слегка прикрывал подбородок, придавая его лицу особенно милый и трогательный вид. Пушистый и мягкий, он так и манил ущипнуть себя за щеку.

Низ свитера немного задрался, обнажая полоску белой кожи.

Даже зимой Пэй Юй почти не загорал и выглядел еще бледнее, чем летом.

Заметив, что Цинь Шэнь ушел в себя, Пэй Юй надул щеки и переспросил:

– Ровно?

Взгляд Цинь Шэня на мгновение замер, а на суровых губах проступила легкая улыбка:

– Чуть-чуть левее.

– Ой, хорошо.

Пэй Юй ловко поправил пожелания, и едва он спрыгнул вниз, Цинь Шэнь тут же надежно подхватил его.

– Неплохо, – Пэй Юй окинул взглядом свою работу, взял следующие свитки и направился к следующей двери.

– Ты о чем только что задумался? – Пэй Юй задрал голову, глядя на Цинь Шэня.

С тех пор как Цинь Шэнь снова смог вставать на ноги, Пэй Юй отучился постоянно смотреть себе под ноги и теперь вынужден был то и дело задирать подбородок.

Короче говоря... они почти никогда не смотрели друг на друга на равных.

Отвечая на этот вопрос, Цинь Шэнь держался совершенно невозмутимо – в его словаре просто не существовало таких понятий, как смущение или робость. Он прямо ответил:

– Засмотрелся на тебя и потерял счет времени.

–? – Пэй Юй вмиг растерялся, не зная, что и ответить.

Как же Цинь Шэнь умел говорить подобное с таким невозмутимым видом!

– Мы ведь уже столько времени вместе, неужели у тебя совсем нет гордости? – мысленно возмутился Пэй Юй.

Цинь Шэнь слегка приподнял брови и с улыбкой поинтересовался:

– А что в твоём понимании значит иметь гордость?

Пэй Юй задумался, и в его живых глазах блеснула лукавая искорка:

– В следующий раз, когда я буду тебя кусать, продержишься чуть подольше.

Шаги Цинь Шэня замерли, а взгляд мгновенно потемнел.

Как он мог не понять скрытого намека в словах Пэй Юя? Вспомнив, что последние пару дней они вели себя на удивление сдержанно, Цинь Шэнь едва заметно улыбнулся, притянул Пэй Юя к себе и легко провел пальцами по его талии:

– Всего два дня дал тебе передышку, а ты уже снова за старое?

Пэй Юю стало щекотно, он перехватил запястье Цинь Шэня с его резкими, четкими линиями и поспешно замахал головой:

– И вовсе нет!

– Только дразнишься и никакой ответственности. Плохой омега.

Щеки Пэй Юя слегка порозовели. Он и сам не понимал, что с ним такое: прекрасно зная, что стоит завести с Цинь Шэнем подобный разговор, как тот непременно начнет над ним подшучивать, он все равно не мог удержаться и пытался его задеть.

Слегка кашлянув, Пэй Юй поспешно сменил тему и, ухватив Цинь Шэня за руку, продолжил расклеивать оставшиеся парные надписи.

Во второй половине дня тридцатого числа первого лунного месяца в родовом поместье вовсю кипела подготовка к праздничному ужину воссоединения.

Помимо родителей Цинь Ияна, Цинь Шифан и нескольких дальних родственников, к ужину прибыли и другие гости с полными руками подарков.

Пэй Юй никого из них не знал, поэтому лишь коротко со всеми поздоровался и вернулся наверх, чтобы продолжить занятия с Цинь Ияном по пробным экзаменам.

Время неумолимо приближалось к вечеру, с неба снова полетели хлопья чистого снега, и вскоре все поместье укуталось в белоснежное покрывало. Цветы, росшие во дворе, пришлось заранее перенести в теплицу в задней части дома, иначе их бы погубил ледяной ветер.

Около полутора десятков человек расселись вокруг большого круглого стола и дружно подняли бокалы, приветствуя наступление Нового года.

В гостиной работал телевизор с новогодним гала-концертом, а старшие, оживленно переговариваясь и вспоминая прошлое, казалось, вовсе не собирались замолчать.

Вся эта семейная суета мало интересовала Цинь Ияна и Пэй Юя, поэтому они сидели на диване в гостиной, уткнувшись в экраны телефонов и телевизора.

Цинь Иян неотрывно смотрел на диалог с Су Янем, на аватарке которого красовался случайно сделанный снимок рыжего кота.

Эх, встретить бы Новый год вместе... как было бы здорово.

Вскоре подошел Цинь Шэнь и устроился рядом с Пэй Юем. Его сильная рука привычно легла на плечо парня, притягивая того ближе.

Освежающий аромат прохладного кедра с мятными нотками мягко окутал их со всех сторон. Пэй Юй подтянул колени к груди и прижался к груди Цинь Шэня.

В гостиной то и дело раздавался звон хрустальных бокалов, на экране телевизора сменялись яркие картинки, и время от времени доносились веселые возгласы зрителей из зала.

Пэй Юй даже не вникал, что именно транслировали по телевизору.

Ему было важно лишь то, что находиться вот так, рядом с Цинь Шэнем, – это невероятное счастье.

Он отчетливо помнил, как в прошлом году они встречали Новый год с Цзян Хэ в больнице.

Медицинский персонал, стараясь поддержать пациентов и создать атмосферу традиционного праздника, украсил палаты яркими алыми лентами. Но даже это не могло полностью скрыть мертвенно-бледные стены и холодный свет больничных ламп.

Цзян Хэ улыбался, шутил и делился с ним планами на будущее.

Пэй Юй кивал в ответ и улыбался, а в голове у него крутились мысли лишь о предстоящих счетах за лекарства.

Хотя тогда на душе было тяжело от забот, даже находясь рядом с Цзян Хэ в тех условиях, Пэй Юй не считал это непосильной ношей. Ему даже казалось, что заказная еда из доставки была вполне вкусной.

Но прошло всего лишь год – и жизнь изменилась до неузнаваемости.

В кармане завибрировал телефон. Увидев на экране имя Цзян Хэ, Пэй Юй ответил на звонок и перекинулся с ним парой дежурных фраз, чувствуя, как в груди поднимается какая-то странная, неопределимая смесь эмоций.

Внезапно.

Цинь Шэнь мягко сжал его ладонь и чуть качнул ее.

С безграничной нежностью в голосе он произнес:

– Надеюсь, каждый следующий Новый год мы будем встречать именно так.

Уголки губ Пэй Юя тронула улыбка, и он ответил тихим, мягким голосом:

– Обязательно.

По давней традиции ведущие праздничного концерта с воодушевлением объявили начало отсчета.

В ту же секунду телефоны каждого разразились потоком самых разнообразных поздравлений.

Сквозь окна доносились раскаты праздничных фейерверков, но из-за удачного расположения самого поместья ярких вспышек в небе было почти не разглядеть.

Пэй Юй ни капли не расстраивался из-за этой маленькой мелочи: присутствие Цинь Шэня рядом было для него лучшим подарком на Новый год.

Едва они вернулись в комнату, Цинь Шэнь неожиданно достал корочку... бенгальских огней?

- Здесь неудобно запускать настоящие салюты, давай пожжем это.

Он выключил верхний свет, вытащил несколько бенгальских огней, протянул их Пэй Юю и принялся искать зажигалку.

Сам он не курил, так что зажигалку удалось отыскать только на кухне.

Бенгальский огонь в форме сердечка ярко вспыхнул, рассыпая вокруг мириады ослепительно-серебристых искр.

Пэй Юй завороченно смотрел на него, уголки его губ улыбались, а в глазах отражалось сияние огня.

Невероятно красиво.

И для Цинь Шэня любая картина с участием Пэй Юя казалась верхом совершенства.

В его глазах время словно замедляло свой бег.

Каждая улыбка Пэй Юя, каждый легкий взмах его ресниц запечатлевались в памяти четко и ясно, врезаясь в душу надолго.

Ему невероятно повезло.

Встретить Пэй Юя именно тогда, когда тот больше всего нуждался в поддержке, укрыть от жизненных бурь хрупкую розу и защитить самое прекрасное сокровище на свете.

Он искренне надеялся, что и впредь Пэй Юй будет улыбаться так же лучезарно.

На мягкой постели два тела сплелись в страстном объятии, заставляя край простыни едва заметно задрожать.

В густой, тягучей пелене ночи.

Пальцы Цинь Шэня крепко переплелись с пальцами Пэй Юя, а на его четко очерченном безымянном пале ярко вспыхивало обручальное кольцо.

Нахлынувшая волна чувств накрыла их с головой, словно свирепый шторм.

Мощные, властные феромоны альфы вились вокруг каждого дюйма кожи юноши, словно

гибкие лианы.

- Кто я? - прошептал Цинь Шэнь, склонившись к самому его уху.

Отражения мерцающих огней в глазах юноши вмиг разбились под натиском Цинь Шэня.

- Малыш, кто я?

- Ты... Цинь Шэнь.

- Неправильно. Подумай еще хорошенько?

- Это...

Пэй Юй всхлипнул, захлестнутый бурей ощущений, и впотьмах в клочья разорвал рубашку Цинь Шэня.

- Это муж.

<http://bllate.org/book/21295/2159427>